

УДК 93/94-479

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-207-221

**ПОВСЕДНЕВНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕРКЕСОВ В УСЛОВИЯХ
ВОЕННОГО КОНФЛИКТА: ЭТНОГРАФИЯ СМЕРТИ¹****М.А. ТЕКУЕВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

А.А. КОНОВАЛОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru*

М.Х. ГУГОВА

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования стало изучение ментальных установок в культуре черкесов в отношении смерти и их проявление в повседневной практике. Выбор Кавказской войны (1763-1864) как хронологического периода для анализа предмета исследования обусловлен драматизмом исторических событий, мобилизовавших знаковые элементы обыденного уклада, которые характеризовали культурную самобытность народа. Статья опирается на источники нарративного, фольклорного и этнографического характера. Были применены современные научные методы и подходы истории повседневности, гендерной истории, истории ментальности. Применение их инструментария позволило раскрыть мотивацию поведения перед лицом смерти и ее восприятие черкесами в условиях затяжной войны: чувство страха, проявление бесстрашия или тревоги, ментальные изменения. Черкесы предстают не как абстрактная сторона конфликта, а как исторический субъект. Кавказская война состояла не только из битв, побед и поражений, ее наполняли конкретные судьбы, истории подвига и предательства, женские плачи и песни памяти.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

Война, с одной стороны превращает смерть в ежедневную реальность, с другой – возвышает частные скорбные переживания до значения национальной трагедии. В процессе изучения поставленной проблемы отмечены две разнонаправленные тенденции в развитии традиционных ритуальных практик: их культивация в условиях длительного военного противостояния и эрозия ментальных оснований традиционной культуры в результате колонизации края. В статье рассматривается отношение женщин к военным потерям (переживания, жертвы, стойкость, ритуальные функции) и их роль в формировании духа сопротивления у мужчин (механизмы психологического воздействия), а также отношение черкесов к погибшим на поле боя. Изучение этнографии смерти приводит авторов к выводу о значении ритуально-обрядовой культуры, как составной части идеологии борьбы за независимость, и семантического текста, транслирующего потомкам самобытные культурные ценности.

Ключевые слова: Кавказская война; черкесы; героическая смерть; забота о телах; ментальность; скорбные переживания; женская траурная риторика.

DAILY LIVES OF CIRCASSIANS IN CONFLICT-AFFECTED SITUATIONS: ETHNOGRAPHY OF DEATH

M.A. TEKUEVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

E.A. NALCHIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

A.A. KONOVALOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru*

M.Kh. GUGOVA

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Abstract. The current paper studies mental relations among Circassians towards death and their manifestations in day-to-day routines. The Caucasian war (1763-1864) constitutes the historical background for the research as a chronological milestone saturated with dramatic historical events and cultural landmarks representing ethnic distinctiveness. The paper is based on narrative, folklore, and ethnographical sources. The research methodology involves modern scholar approaches, i.e. everyday history (Alltagsgeschichte), gender history, and history of mentality. Implementation of these toolkits reveals behavioral drives in the face of death, perception of death amongst a conflict: sense of alarm, fearlessness, mental changes. Circassians within this framework do not merely portray an abstract party to a conflict, but historic subject. Not only battles, victories and defeats the

Caucasian war embodies, but also it incorporated fortunes, feats and betrayals, laments and memorial song. On the one hand, a war transforms death into the routine, on the other hand, it elevates personal experiences up to the national tragedies. Authors emphasized two contrasting tendencies in the development of traditional ritual patterns: their cultivation amidst tedious military confrontation and erosion of traditional culture as a result of colonization of the North Caucasus. The article considers women's attitudes towards wartime losses (distress, sacrifice, perseverance, ritual execution) and their role in forming men's spirit of resistance (mechanisms of psychological exposure), and attitudes among Circassians towards their died fellows on the battlefield. Ethnography of death and its study conclude into recognition of the value of ritual culture and semantic text that translated indigenous cultural values to descendants.

Keywords: Caucasian war; Circassians; heroic death; remains care; mentality; laments; women's mourning discourse.

Кавказская война – это болезненный рубеж, разделивший историю адыгов на две огромные эпохи До и После: традиционную «патриархальную старину» и новое существование в рамках имперского государства. Кавказская война, начинавшаяся исподволь в Кабарде и распространившаяся за сто лет по всему Кавказу, стала временем не только исторических перемен, но и трансформации таких состояний, как этническая ментальность, национальное сознание. Для определения характера и степени этих перемен, их влияния на дальнейшие судьбы народов Кавказа в данной статье будет рассмотрен один из аспектов изменений в ментальных поведенческих практиках и повседневном быту адыгов, выразившийся в их отношении к самым трагическим последствиям войны – гибели на войне и заботе о телах и душах ушедших. Мы выбрали именно этот аспект проблемы в виду его драматической остроты и консервативности обрядово-ритуальной стороны, что придает большую показательность ментальным установкам и их трансформациям под воздействием внешних факторов.

Под гибелью на войне мы понимаем не только смерть на поле боя, но и другие военные трагедии: насилие над женщинами, голод, детские жертвы и пр. Поэтому наш анализ будет носить не социально-политический характер, а историко-культурный, с акцентом на повседневных деталях, этнографических фактах, частных переживаниях и эмоциях.

Одной из магистральных тенденций современной исторической науки является перенос фокуса внимания с внешних сторон изучаемой реальности к внутренним, попытка реконструкции внутреннего мира человека прошлого и его восприятия мира, в котором он жил. Такая исследовательская перспектива позволит лучше разобраться в сложной системе отношений и смыслов «человек на войне», изнутри увидеть специфический опыт черкесов в условиях сопротивления и понять как мотивацию их поведения, так и их восприятие войны в целом.

Исследовательский инструментарий истории повседневности позволил изучить сферу человеческой обыденности в контексте военного противостояния, представить черкесов не столько как абстрактную сторону конфликта, но как творцов смыслов, активно создающих реалии прошлого. В настоящей статье, в соответствии указанным подходом, применялась интерпретация исторического источника путем проникновения в его

внутренние слои, ставилась задача восполнить лакуны нарратива: недоговоренности, недосказанности, что позволило выяснить мотивацию действий индивидов и приблизиться к их пониманию.

Война ставит человека в пограничную ситуацию, что актуализирует переживание смерти как одной из корневых категорий человеческого существования. Применение подходов, разработанных историей ментальности, позволило проследить реализацию в поведенческих практиках и сознании черкесов концепта гибели на войне, отношения к врагам и человеческому телу. Это оказалось возможным при осознании форм бытования в черкесском обществе ценностей жизни, следования долгу, образа мужчины-воина и его верной жены. Вычленение данных категорий сознания позволило изучить постоянные социально-психологические черты, типичные для поведения в ситуации военного противостояния.

Источниковая база нашего исследования основывается на трех видах источников: фольклорном материале, литературных (нарративных) свидетельствах участников событий Кавказской войны и произведениях местных бытописателей. Первый вид включает в себя песни и предания о Кавказской войне: историко-героические и плачевные, многие из которых опубликованы в нескольких сборниках [Народные песни 1986; Адыгские песни... 2005; Кабардинский... 1936]. Свидетельства очевидцев, мемуары и записки российских офицеров и иностранных авторов, объединены в сборниках [АБКИЕА 1974; Из истории... 1991] или вышли отдельными изданиями [Пирогов 1952; Потто 1994а; Потто 1994b; Дубровин 1871; Эсадзе 1993]. Литературные и этнографические труды адыгских просветителей XIX века составляют третий блок источников, наиболее достоверный с точки зрения аутентичности материала [Хан-Гирей 1992; Хан-Гирей 1989; Кешев 1988; Ногмов 1994].

В обширном историографическом материале Кавказской войны нам видится целесообразным выделение историографии отдельной интересующей нас проблемы, а именно трагической повседневности и личных переживаний участников и жертв войны, которые выпали из поля зрения кавказоведов как менее существенные и недостаточно «научные». Поворот к повседневной истории, к историко-антропологическому изучению классического предмета исторического исследования – войны произошел только в постсоветской историографии.

Однако отдельные элементы эмоционального переживания последствий Кавказской войны, связанные с массовым выселением коренного населения Кавказа в Османскую империю, получили освещение еще в научных изысканиях советского исследователя Дзидзария [Дзидзария 1982]. Он затронул прежде замалчивавшиеся аспекты национально-освободительного движения горцев. Время перестройки легитимизировало обращение к забытым архивам и источникам, к острым темам: стало возможным задаваться вопросами о характере войны и последующем изгнании кавказцев на чужбину, о реальном количестве жертв и колониальной политике царского правительства [Кушхабиев 1993; Дзамихов 2000; Кишмахов 2012; Алоев 2014; Кожев 2014].

Эти работы позволяют расширить эмпирическую и теоретическую базу нашего исследования.

Историко-культурным проблемам русско-кавказской драмы, истории противостояния и притяжения двух миров: русской цивилизации и «мощного древнего мира Кавказа» посвящена монография Якова Гордина [Гордин 2008]. Тема трагического стала основной в его анализе ментального кавказского кризиса.

В кавказоведении последних двух десятилетий в круг изучаемых вопросов были включены новые темы: конструирование мужского характера и поведения, соответствующих социальных институтов [Карпов 1996], мир женских и мужских переживаний [Текуева 2014], воспитание воина, формирование кодекса чести [Марзей 2004], «вписывание военной культуры кабардинцев в общероссийский военно-культурный контекст» [Прасолов 2015: 317], исследование повседневного пространства смерти, ментальных представлений о достойном уходе из жизни, высокой ноте трагизма в событии смерти [Нальчикова 2007].

Данная статья обобщает коллективные разработки ее авторами комплекса вопросов, встающих перед исследователями военной повседневности. Смерть во время Кавказской войны, героическая трагедия и обыденный страх потери, переживания и сопротивление, сопутствующие истории войны, дополняют наши представления о прошлом. Что такое «героика смерти»? Как привычный ритуал и традиционное сознание помогали переживанию смерти близких? Какое место в военных событиях занимали женщины? Как мотивировали мужчин на героическую смерть женские ожидания? Как военное командование использовало ментальное отношение горцев к телам погибших для разрушения духа сопротивления?

Таким образом, исследование нацелено на изучение трансформации патриархальной идеологии кавказских народов в ходе их колонизации, а также степени сохранности/разрушения ментальных установок.

Героика Кавказской войны стала общим местом в национальной историографии. Смело вступающие в сражение черкесские отряды, особенная стратегия ведения боя, личная отвага каждого и абсолютная готовность к смерти на войне – все эти сюжеты лежат на поверхности исторических хроник, народных песен и литературных романов.

Однако доблестная смерть имеет и другие лики. Женские эмоциональные поступки и реакции, порой демонстративные, порой – импульсивные, не менее значимы для понимания особенностей этнического облика и культуры народа, проживающего военную трагедию и использующего комплекс выработанных коллективным сознанием и закреплённых традицией методов для переживания своего горя и облегчения доли умершего.

Кавказская война известна нам только по тому, как проявили себя в ней мужчины и как потом мужчины же написали ее историю. Женщины в этой исторической драме представляли некую молчаливую массу, и можно только догадываться, сколько в стенах домашнего женского пространства пережито чувств: ожидания, терпения, страха, гордости, боли, потерь. Эти нематериальные и незадокументированные аспекты истории являются

несчитываемой эмоциональной составляющей частной женской истории. Женский голос практически не слышен в исторических документах, женские имена затерялись в трагедии Кавказской войны.

Тем дороже нам те редкие свидетельства женского участия в событиях военных лет, которые можно найти в фольклорных источниках. И тут оказывается, почти в каждой песне содержатся сведения о реальных женщинах. Почти всегда это *гъыбзэ* – песни-плачи по погибшим мужьям, братьям, сыновьям. Эти народные поэтические сочинения имеют самостоятельное значение для написания «женской истории», так как содержат важную информацию о системе ценностей женской культуры адыгов: нравственные основы жизни, нюансы семейных взаимоотношений, обостренные войной чувства и любовные переживания, комплекс качеств достойного мужчины, представления о счастье и т.д. При этом женщины, не являясь главными героями *гъыбзэ*, занимают скромное место «за кадром», вне хроники событий.

Однако в ряде фольклорных произведений упоминаются реальные женские имена для усиления эффекта от описываемых событий: «мертвой среди трупов красуется красавица, дочь Бабуковых» [Адыгские песни... 2005: 590], или в завязке сюжета, для обозначения повода для сражения: «Ажаговых Фардаус-красавицу донские казаки увозили» [Адыгские песни... 2005: 519], или для иллюстрации трагического финала: «Кому мир этот тесен из-за горя, – это Кумпылхан-красавице» [Адыгские песни... 2005: 529].

В поиске информации об участии женщин в событиях Кавказской войны обращаемся к сборнику устного народного творчества «Кабардинский фольклор», изданному в 1936 г., и находим потрясающее по драматическому накалу произведение «Разорение селения» [Кабардинский... 1936: 364-368]. Речь в песне идет о нападении имперских войск на аул князя Али Карамурзина предположительно в 1765 г. Она исполняется от имени женщин, многолюдна по количеству действующих лиц, и практически все они – женщины: это княгини Эльмесхан и Хани Карамурзины, униженные пленением; это Гошехурей Шогенова, бросившаяся на вражеские штыки в отчаянном порыве сохранить девственность засватанной невесты; это русоволосая худенькая Ханио, «шелковые косы которой – поводья для проклятых гяуров»; это мать двух маленьких девочек красавица Гура, потерявшая сознание в борьбе за свою честь и проклиная бежавшего в горы мужа; это пожилая княгиня Шырыхона, бесстрашно вступившая в бой с врагами.

Текст одиннадцати куплетов дает представление об особенностях «женского письма» – расстановке акцентов в значимости событий, их последовательности, достоверности в деталях (в противовес абстрактности «мужских» текстов, затрудняющей реконструкцию реального сюжета). Так, изначально очевиден исход нападения – захват неприятелем женщин, и именно это – главная беда войны, семантически объединяющая такие понятия как потеря независимости, оскорбление чести, народное горе. Поэтические приемы не умаляют жесткого документализма несчастья: «Глянешь на один конец селения – светит яркое солнце. Взглянешь на другой конец селения – трупы детей лежат как коряги».

Женские голоса отчетливо повествуют о героизме мужчин, вставших на их защиту («храбрый Жабаги Таов», «золотой наш Хаджи Нартыжев», «старший Шумахо Шогенов», «меньшой Тутука Бараков»). Особо отмечается доблесть Исмаила Атлескирова, который «не опуская простреленных рук, крутясь со своей острой пашкой, отбил свою жену из плена». В отличие от «мужских» песен здесь на фоне масштабной трагедии просматриваются частные элементы женских переживаний. Антропологические детали дополняют объективное представление о периоде войны, ярко высвечивая реальные предметы, ситуации, чувства, давая полное представление о самом событии и о предыстории «мирного счастья». Женские голоса свидетельствуют о жестоком характере нападения на мирное селение, сопровождавшееся насилием против женщин: «Сафьяновые коншибы (кожаные девичьи корсеты, навсегда снимавшиеся женихом в первую брачную ночь – Авт.) на груди у нас рвут штыками. Снимать бы их юным уоркам урочной ночью брачной»; «Шелк моего бешмета в ошметки порвали штыками»; «Наши шапочки златотканые на глаза нам сзади надвигают, а шелковые шаровары разрывают носком сапога».

Подобные женские сетования повторяются во многих подобных песнях, как в плаче Чужкуапы: «Кисейные мои груди белые / Ружейным прикладом заставляют чернеть, / Из кожи черной наш корсет с нас снимают. / Чтобы любимые их сняли с нас мечтали мы, / Но до вечернего срока дожить нам не дают» [Адыгские песни... 2005: 350].

И этот рефрен является доказательством типичности ситуации и связанных с нею переживаний. Описываемые истории не всегда повествуют о физической гибели. Потеря девичьей невинности или женской чести воспринималась ими и сочинителями песен как символизация смерти.

Ценный этнографический материал содержится в каждой фразе этой песни: в описании деталей одежды и внешности, в кратких оговорках о семейных связях и бытовых обычаях. Особое место занимают любовные откровения: «Как взгляну в стеклянные окна, всё чудится мне пши (князь – Авт.) молодой, а подойду к белой постели, вижу лохматого зверя»; «С красавцами золотоусыми тешились мы на постелях. А теперь солдатский начальник у печки тешится с нами». Занимающая женщин любовь к мужьям, к детям, к жизни и есть то, во имя чего стоит воевать. Но лишь в женских фольклорных текстах это очевидно, мужские – традиционно сдержаны, а потому и менее информативны.

Предельно правдиво содержание песни в историческом плане. Определяя главного врага – солдат агрессора, женщины указывают и на предателей, своих соплеменников, записывая их имена в историю. И не только их. Страшна месть женщины трусливому мужу: называя его полные имя и фамилию – Али Коншаов, она и через 250 лет презирает его за предательство: «Кто был мне как крепость,/ Укрылся в горах Андруга:/ Это младший Али Коншаов./Двух девочек-малолеток / От груди моей оторвали./ Лучше б мужу моему сгинуть /В тот день, как меня раздели!/<...> когда нас брали гяуры, /В бою его не было видно./ Вернешься, трус рыжеусый, /Не вернешь ты красавицу Гуру!/<...>/ Если

б я не упала без памяти, / Живой бы меня ты не видел» [Адыгские песни... 2005: 367].

Очевидно, что женщины владели инструментами психологического воздействия на мужчин – непосредственных участников боевых действий. Эффективность этого воздействия была предельно высока, так как лирические образы повышали восприятие и понимание трагического смысла гибели жен, сестер, матерей и детей.

Это особенно важно для понимания изменения характера войны. На ее начальном этапе, когда столкновения воюющих сторон носили еще рыцарский характер и была надежда на переговоры, компромиссы и прежние союзнические связи, в отношении к неприятелю присутствует элемент спортивной соревновательности, уважение к достойному и равному противнику. Ненависть к врагу формируется не столько на поле боя, сколько в тылу, где губят сады и посевы, жгут родные аулы, страдают женщины и дети. Понятие «героика войны» расширяется за счет «тихий» героев. Не только храброе участие в кровопролитном бою достойно песни, но и умение постоять за свою честь, за жизнь детей и стариков тех, кто прежде не брал в руки оружия, так как оно представляло собой предмет гендерно-маркированный.

Постоянно повторяющийся в фольклорных источниках эмоциональный акцент на гибели близких должен читаться как одно из свидетельств особого – традиционно патриархального – отношения к сородичам. Современники Кавказской войны видели следствие этого чувства коллективной родственной солидарности в ответственности за погибшего: вынос его с поля боя, достойное предание земле, ритуальное оформление его ухода: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-нибудь из соотечественников пал в бою, множество черкесов несутся к тому месту за тем, чтобы вынести его тело...» [Лонгвордт 1974: 569]. Количественное изобилие описаний подобного поведения при часто однообразном содержании свидетельств фиксирует обыденность и нормативность указанной программы действий. В. Потто в «Кавказской войне» неоднократно описывал сходные ситуации: «Десятка три горцев в свою очередь бросились к телу, и над простертым трупом завязалась отчаянная схватка... тело переходило из рук в руки...» [Потто 1994b: 289-290]. Адыгский автор Хан-Гирей пишет, что даже в случае погони «тела убитых товарищей с удивительною решительностью уносят с собою... защищая тело убитого товарища, целые партии погибают» [Хан-Гирей 1992: 288]. Теофил Лапинский, поддерживавший освободительное движение горцев, замечал, что «ни один труп, ни один раненый, ни одно ружье не оставались в руках русских...» [Лапинский 1995: 376]. Соображения собственной безопасности в расчет не брались. Генерал царской армии Раевский, хорошо знавший психологию соперников, писал следующее: «Идя на бой, горец дает своему брату по оружию клятву умереть вместе или вынести тело павшего товарища; неисполнение обета несет за собою посрамление, и клятвопреступник обязан содержать все семейство убитого» [Эсадзе 1993: 54].

Черкесы подбирали «всех своих убитых, рискуя при этом подходить даже под выстрелы» [Из истории... 1991: 175], для того чтобы отдать последний долг своему соотечественнику. Борьба за тела убитых и раненых, сопровождавшаяся новыми жертвами, удивляла участников кавказской кампании «нерациональностью», нелогичностью. Многочисленность подобных примеров, которыми изобилуют разные, независимые друг от друга источники, свидетельствует о том, что это не проходной сюжет, а глубинная, корневая психическая установка. Ее этнокультурная специфика обращала на себя внимание иностранных авторов.

Дж.А. Лонгворд приводит слова черкесского повстанца в отношении убитого однополчанина: «С ним покончено... Передайте его труп девушкам из его селения, пусть они достойно похоронят бедного юношу, как подобает. Будет кому поплакать над его могилой» [Лонгвордт 1974: 569]. Слезы – это яркое свидетельство горя, это эмоциональное переживание трагедии, которая, несмотря на военную повседневность, не стала привычной, стертой, приглушенной обыденностью. Слезы, даже ритуальные, трогали очевидцев: «Крики бедной женщины, которую безуспешно пытались утешить по поводу столь печальной утраты (гибели трех братьев при защите своего села – Авт.) искренне брали за душу» [Лонгвордт 1974: 569]. Женские слезы служили мощным стимулом национального сопротивления: «Кундетов, смотри, – призывает народ своего князя, – ваш мрачный дом рухнет под плач старух!» [Адыгские песни... 2005: 161].

Привычная для учебника истории картинка, иллюстрирующая трагедию, сопровождающую любое сражение: поле боя с оставленными телами погибших, над которыми кружат вороны, – нехарактерна для кавказских представлений о достойном конце воина. Конец наступает тогда, когда убитый в сражении возвращен в родной дом, где его искренне оплачут, достойно подготовят к погребению, «правильно» предадут земле.

К числу необходимых условий «правильного» погребения относят также сохранение тела в его целостности. Пример этому приводит Хан-Гирей: «Когда его тело (бжедугского дворянина Бияркаха – Авт.) приволокли казаки к кордону... то хищная сорока бросилась на тело и острым клювом вырвала один глаз; черкесы – очевидцы этого случая – поклялись не щадить этой кровожадной птицы, и в течение зимы несколько сотен сорок пали, пронзенные пулями» [Хан-Гирей 1989: 254].

Не только лицо, как наиболее выразительная часть тела, но и все остальные его составляющие («*Иэпльнкъ пщыкӀутӀыр зэхуэду*», т.е. «все двенадцать частей тела») должны быть сохранены для погребения, все части, соединенные с телом суставами: кисти рук и ступни ног, голени, бедра, плечи и предплечья. Это обеспечивает уверенность в благополучном посмертном будущем. Основоположник русской военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов отмечал особенность лечения кавказскими хирургами и костоправами: «...азиатские врачи на Кавказе излечивали совершенно такие наружные повреждения (преимущественно следствия огнестрельных ран), которые, по мнению наших врачей, требовали отнятия членов, это факт, подтверждаемый многими наблюдениями; известно и то, что отнятие членов, вырезывание

раздробленных костей никогда не предпринимаются азиатскими врачами; из кровавых операций, производимых ими для лечения наружных повреждений, известны только вырезывание пуль» [Пирогов 1952: 69].

Случалось, что тела оставались в руках противника, и в подобной ситуации возможным выходом оказывался их выкуп или обмен. «Тела погибших на войне выкупаются. Этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы» [Монпере 1974: 452]. Генерал Раевский вспоминал, как «по прекращении натисков неприятеля, но еще во время сильной перестрелки», к нему явились «горские старшины, прося о выкупе своих убитых, оставшихся в наших руках» [Эсадзе 1993: 54].

Уважительное отношение к телам погибших в бою, то значение, которое придавалось черкесами останкам соплеменников, использовались некоторыми царскими генералами для деморализации противника. Известна кощунственная шутка командующего войсками Кавказской линии генерала Вельяминова по поводу тел убитых черкесов, которые «...каждый день привешиваются перед воротами станицы. Сей последний способ весьма недурен: пускай спеют, как балыки, в ожидании выкупа». Понимая, насколько оскорбительны и провокационны подобные действия для горцев, в 1834 г. приказом по Кавказскому Линейному войску наказной атаман генерал Верзилин запретил надругательство над телами убитых черкесов, отрубленные головы которых казаки привозили в станицы в качестве трофеев.

Невозможность захоронения и оплакивания, раскачивающиеся на ветру убитые воины, торг телами, отрезанные головы – все эти факты военной действительности оказывали на местное население ужасное впечатление, наносили удар по религиозным убеждениям, разрушали вековые ментальные установки. Эмоционально это выражалось в растерянности, унынии и страхе перед подобным исходом. Самое острое впечатление на очевидцев оказывали репрессивные методы генерала Г.Х. Засса, использовавшего ментальное оскорбление в отношении мертвых для деморализации противника. Декабрист Н.И. Лорер, которому в 1837 году смягчили каторгу ссылкой в Кавказский пехотный полк, свидетельствовал в своих мемуарах: «В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру» [Лорер 1988: 518]. Полковник Генерального штаба Ф. Торнау, автор мемуаров «Воспоминания кавказского офицера» узнал по одной из голов, насаженных на колу возле Прочного Окопа, непокорного князя Аслан-Гирея Бесланова (Бесленуко Аслана). По народным преданиям, когда Аслан Бесленуко, известный по многочисленным набегам на русские крепости, умер, Г.Х. Засс приказал выкопать его тело из земли и разорвать его на части» [Хавжоко 1994: 176], изуродовать тело своего врага из мести за неоднократные победы Бесленуко Аслана на поле боя.

Затяжной характер Кавказской войны, растянувшийся на сто лет, создал новую повседневность, допускающую отклонение от вечных традиций. На начальном этапе освободительного движения горцы могли отказаться от выполнения общей боевой задачи и подменяли ее многочисленными

кровавыми стычками за трупы, которых становилось все больше. И позже, как например, при сражении за укрепление Гостагаевское в 1853 г. адыгам не удалось им овладеть именно в виду утраты эффекта внезапности, поскольку после первого залпа «всяк поспешил поднять раненого или убитого соаульника» [Адыгская... 2006: 107].

Сознавая то, что нравственные установки прежних «рыцарских» сражений снижают эффективность военных операций, вожди черкесского сопротивления на завершающем этапе войны зачастую принимали решения атаковать, «не убирая ни убитых, ни раненых».

К концу Кавказской войны многие очевидцы и участники событий с сожалением замечают, что «обычай – лечь подле убитого товарища, но не покидать его трупа на произвол врага, был забыт совершенно» [Кешев 1988: 116]. В песне об Айтеке Канокове, сочиненной его матерью-кормилицей, фиксируется страшный день, когда «у бесленеевцев в обычай вошло покидать убитых» [Кабардинский... 1936: 383]. Трагедия гибели героя умножается от того, что тело его брошено на поле боя, и женщины оплакивают и его, и тех, кто в нарушение обычая «оставили тело во мху», и раз не мужчины, то «Езуговых сноха переходит реку [тело забрать]» [Народные песни 1986: 77]. Герой другой плачевой песни, Увжуко, был ранен в ногу при набеге на Линию. «Не подобраный никем», он умер, и «тело его разложилось под кустом» [Народные песни 1986: 381], отчего горе его невесты безысходно. Женщины последовательно отстаивают правила, позволяющие им создать преемственность ценностей и воспитать поколения, имеющие точку опоры.

Трансформация традиционного отношения черкесов к мертвым отмечается и сторонними наблюдателями. В. Потто пишет: «Неприятель бежал с поля битвы с такой поспешностью, что не захватил даже двух тел с поля битвы», «в числе убитых кабардинцев был и один из известных владельцев, князь Кагока Татарханов, и тело его осталось на поле сражения» [Потто 1994а: 361].

Подобная посмертная судьба воспринималась как позорная и страшная, поэтому перед поединками герои иногда заранее и самостоятельно проявляли заботу о своих останках – «прошу вас об одном: не оставьте мой труп в степи» [Народные песни 1986: 412]. Очевидно, народная эсхатология выражалась в убеждении, что продолжают посмертную жизнь только те, кто был удостоен подобающего и не потревоженного впоследствии погребения. Эта проблема особенно остро стала перед адыгами не только во время проведения боевых действий в ходе Кавказской войны, но и впоследствии, во время вынужденного переселения горцев. Драматический характер известной песни мухаджиров, оплакивающих разлуку с родиной, гиперболизируется частными трагедиями. Черкесы отказывались бросать в море тела умерших во время плавания по пути в эмиграцию: «Наши доски с мертвецами, к спинам привязанные,/ Отобрать [и выбросить в море] грозя, нас страшат» [Адыгские песни... 2005: 354]. Чтобы их не выбросили насильно, некоторые привязывали тело к себе на спину. А в крайнем случае, укрепляли на доске, чтобы тело не утонуло, и спускали на воду, надеясь, что когда-нибудь его прибьет к берегу и кто-нибудь похоронит

его в земле. В данных обстоятельствах это был единственно возможное проявление традиционной заботы о покойниках.

Яростная и целеустремленная борьба за тела убитых, ответственность живых за сохранение их целостности, уверенность каждого воина в достойном захоронении, горестном оплакивании, искреннем трауре, изустном сохранении памяти о нем в поколениях – все эти особенности кавказской традиции отношения к павшим рассматриваются нами как проявление преодоления страха перед смертью, преодоление собственно смерти, создание пространства памяти, в первую очередь эмоциональной.

Самостоятельное значение женщин в риторике скорби по погибшим, их самоотверженное служение родовым ценностям, определенные ожидания в отношении мужского поступка формировали человеческий субъективный фактор, определяющий нравственный фон повседневного военного существования. Безусловная готовность воина рисковать жизнью, демонстрировать чудеса храбрости и выносливости обеспечивалась гарантией «правильного» оформления его ухода.

Обряд и ритуал, как культурные тексты, выполняют функцию трансляции этнических ценностей и опыта поколений. Память, состоящая из известного места погребения рядом с сородичами и политая обильными слезами женщин, увековеченная в семейных преданиях или даже в народных песнях, становилась свидетельством незыблемости существующего «испокон веков» порядка вещей, придавала смысл пожертвованной за правое дело жизни, стимулировала на подвиг и поступок.

Поэтому именно этот аспект коллективного сознания, этнической ментальности постепенно превратился из сильной характеристики горцев в их слабое место. Посмертное показательное надругательство над их останками стало средством психологического воздействия на местное население, вызывавшего сильный эмоциональный надлом и многократно умножающего трагедию каждого отдельного человека и всего народа в целом.

Традиционная культура предполагает существование временной спирали, по которой поколения людей повторяют поэтапно пути своих предшественников. Сознание носителей такой культуры уравнивает экстремальность военного существования последовательностью выработанных веками действий. Таким образом реализуется компенсаторная функция культуры. При этом эмоциональный уровень переживания трагедии прямо пропорционален силе родовых, социальных и этнических связей. Кавказская война начала необратимый процесс разрушения ментальных основ традиционного горского уклада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Адыгская... 2006 – *Адыгская (черкесская) энциклопедия* / Гл. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Адыгские песни... 2005 – *Адыгские песни времен Кавказской войны* / Под ред. В.Х. Кажарова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 436 с.

Алоев 2014 – *Алоев Т.Х.* Рефлексии о некоторых сходствах и различиях в осмыслении геноцида армян и черкесов // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 56-69.

Гордин 2008 – *Гордин Я.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб.: Журнал «Звезда», 2008. – 288 с.

Дзамихов 2000 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум: Алашара, 1982. – 532 с.

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1871-1888. Т. 1-6.

Из истории... 1991 – *Из истории русско-кавказской войны (Документы и материалы)* / Сост. А.М. Эльмесов. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1991. – 264 с.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский фольклор* / Общ. ред. Г. И. Бройдо. – М.-Л.: Academia, 1936. – 652 с.

Карпов 1996 – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и Волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб.: Кунсткамера, 1996. – 312 с.

Кишмахов 2012 – *Кишмахов М.Х.-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум: АБИГИ АН Абхазии-Карачаевск: КЧГУ, 2012. – 828 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 170 с.

Кешев 1988 – *Кешев А.-Г.* Записки черкеса. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 272 с.

Кожев 2014 – *Кожев З.А.* Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 15-32.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 456 с.

Лонгворт 1974 – *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.

Лорер 1988 – *Лорер Н.И.* Записки моего времени // Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – С. 412-571.

Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «ЗекЛуэ». – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 305 с.

Монпере 1974 – *Монпере Ф.Д.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435-457.

Нальчикова 2007 – *Нальчикова Е.А.* Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. – 2007. – № 8. – С. 71-73.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231 с.

Народные песни... 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 4-х т. Т. 3. Ч. 2: Героические величальные и плачевые песни / Под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1986. – 487 с.

Пирогов 1994 – *Пирогов Н.И.* Отчет о путешествии по Кавказу. – М.: Медгиз, 1952. – 358 с.

Потто 1994а – *Потто В.* Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т.2. – 694 с.

Потто 1994б – *Потто В.* Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т.5. – 400 с.

Прасолов 2015 – *Прасолов Д.Н.* Военная культура кабардинцев после Кавказской войны // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Средне-азиатско-кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 315-319.

Текуева 2014 – *Текуева М.А.* Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 173-180.

Хавжоко Шаукат Муфти 1994 – *Хавжоко Шаукат Муфти.* Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 320 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эль-Фа, 1992. – 362 с.

Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей.* Черкесские предания. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 286 с.

Эсадзе 1993 – *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Майкоп: Меоты, 1993. – 120 с.

REFERENCES

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russian)

Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Edited by M.A. Kumahov. – Moscow: Fond im. B.H. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)

Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny [Adygian songs of the Caucasian War]. Edited by V.H. Kazharov. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2014. – 656 p. (In Russian)

ALOEV T.H. *Refleksii o nekotorykh skhodstvakh i razlichiyakh v osmyslenii genotsida armyan i cherkesov* [Reflections on some similarities and differences in understanding the genocide of Armenians and Circassians]. IN: *Kavkazskaya voyna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 56-69. (In Russian)

DUBROVIN N.F. *Istoriya voyn i vladychestva russkikh na Kavkaze* [The history of wars and Russian dominion in the Caucasus]. – St. Petersburg: Tipografiya Departamenta udelov, 1871–1888. T. 1-6. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi i Rossiya* [Circassians and Russia]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 816 p. (In Russian)

DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Mahajirism and problems of the history of Abkhazia of the XIX century]. – Suhum: Alashara, 1982. – 532 p. (In Russian)

ESADZE S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny* [The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War]. – Maikop: Meoty, 1993. – 120 p. (In Russian)

GORDIN Ya. *Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'* [Why did Russia need the Caucasus? Illusions and Reality]. – St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2008. – 288 p. (In Russian)

Iz istorii russko-kavkazskoi voiny (Dokumenty i materialy) [From the history of the Russian-Caucasian war (Documents and materials)]. Edited by A.M. El'mesov. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 goda, 1991. – 264 p. (In Russian)

Kabardinskii fol'klor [Kabardian folklore]. Edited by G.I. Broydo. – Moscow-Leningrad: Academia, 1936. – 652 p. (In Russian)

KARPOV Yu.Yu. *Dzhigit i Volk. Muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf. Men's unions in the sociocultural tradition of the highlanders of the Caucasus]. – St. Petersburg: Kunstkamera, 1996. – 312 p. (In Russian)

KESHEV A.-G. *Zapiski cherkesa* [Notes of the Circassian]. – Nalchik: Elbrus, 1988. – 272 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. – Nalchik: El'brus, 1989. – 286 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: El'-Fa, 1992. – 362 p. (In Russian)

KHAVZHOKO SHAUKAT MUFTI. *Geroi i imperatory v cherkesskoi istorii* [Heroes and emperors in Circassian history.]. – Nalchik: El'-Fa, 1994. – 320 p. (In Russian)

KISHMAKHOV M.Kh.-B. *Problemy etnicheskoj istorii i kul'tury ubykhov* [Problems of ethnic history and Ubykh culture]. – Suhum: AbIGI AN Abhazii-Karachaevsk: KCHGU, 2012. – 828 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Kavkazskaya voina: zakonomernosti promezhutochnykh rezul'tatov, perspektivy osmysleniya* [The Caucasian war: laws of intermediate results, perspectives of comprehension]. IN: *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 15-32. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. – Nalchik: El'-Fa, 1993. – 170 p. (In Russian)

LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. – Nalchik: El'-Fa, 1995. – 456 p. (In Russian)

LONGVORT Dzh. A. *God sredi cherkesov* [Year among the Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropejskikh avtorov XIII–XIX vv.* (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 458-530. (In Russian)

LORER N.I. *Zapiski moego vremeni* [Notes of my time]. IN: *Memuary dekabristov* [Memoirs of the Decembrists]. – Moscow: Pravda, 1988. – P. 412-571. (In Russian)

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «Zeklue»* [Circassian equestrianism – "Zekue"]. – Nalchik: El'-Fa, 2004. – 305p. (In Russian)

MONPERE F.D. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhaztsam, v Kolkhidu, Gruzii, Armenii i v Krym* [Journey through the Caucasus, to Circassians and Abkhazians, to Colchis, Georgia, Armenia and the Crimea]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropejskikh avtorov XIII–XIX vv.* (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 435-457. (In Russian)

NAL'CHIKOVA E.A. *Genezis fenomena «dobrovol'noi smerti»: mif i traditsiya* [Genesis of the phenomenon of “voluntary death”: myth and tradition]. IN: *Vlast'* [Power]. – 2007. – No 8. – P. 71-73. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov: v 4-kh t. T. 3. Ch. 2: Geroicheskie velichal'nye i plachevye pesni / Pod red. E.V. Gippiusa [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians: in 4 vols. Vol. 3. Part 2: Heroic songs of praise and crying songs. Edited by E.V. Gippius]. – M.: Sovetskij kompozitor, 1986. – Vol. 3. – No 2. – 264p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adyghean people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 231 p. (In Russian)

PIROGOV N.I. *Otchet o puteshestvii po Kavkazu* [Report on a trip to the Caucasus]. – Moscow: Medgiz, 1952. – 358p. (In Russian)

POTTO V. *Kavkazskaya voina* [The Caucasian War]. – Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. – Vol. 2. – 694 p. (In Russian)

POTTO V. *Kavkazskaya voina* [The Caucasian War]. – Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. – Vol. 5. – 400 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Voennaya kul'tura kabardintsev posle Kavkazskoi voiny* [Kabardin military culture after the Caucasian war]. IN: *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXVIII i XXXIX Sredne-aziatsko-kavkazskikh chteniĭ ŷo 2014-2015 gg. Etnologiya, istoriya, arkhologiya, kul'turologiya.* [Lavrovsky collection. Materials XXXVIII and XXXIX of the Central Asia-Caucasus Readings. 2014-2015. Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies]. – St. Peterburg: MAE RAN, 2015. – P. 315-319. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Zhenshchiny v Kavkazskoi voine: skorb' i slezy ili podvig i chest'?* [Women in the Caucasian War: grief and tears or feat and honor?]. IN: *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 173-180. (In Russian)